ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИЙ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБРАЩЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В XIX-XXI ВВ.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ОБРАЩЕНИЯ

1.1. Диалоговая среда обращений и их лингвистический статус 6

1.2. Типология обращений 19

2. ОСНОВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБРАЩЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В XIX–XXI ВВ.

2.1. Коммуникативно-прагматические характеристики обращений в английском языке в XIX в. 35

2.2. Основные трансформации коммуникативно-прагматических характеристик обращения в английском языке в XX–XXI вв. 44

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НАУЧНАЯ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА 71

ВВЕДЕНИЕ

Обращение относится к элементам речевого этикета, которые маркируют определённые социальные отношения, устанавливаемые в рамках того или иного коммуникативного акта. Формы обращений динамичны, быстро реагируют на изменения в жизни социума и, таким образом, представляют собой лингвистический показатель социальных преобразований. Таким образом, ***актуальность*** данного исследования заключается в выявлении особенностей трансформаций коммуникативно-прагматических характеристик обращений в английском языке в XIX-XXI вв.

Объектом исследования являются обращения в английском языке XIX-XXI вв.

Предметом исследования выступают коммуникативно-прагматические характеристики обращений в английском языке и особенности их трансформаций.

Цель исследования заключается в выявлении трансформаций коммуникативно-прагматических характеристик обращений в английском языке, происходящих в период с XIX по XX вв.

Данная цель предполагает решение следующих ***задач*:**

1) проанализировать теоретические работы, посвящённые исследованию феномена обращения;
2) исследование функционирования различных групп обращений на социальной и персональной дистанциях общения, выявление особенностей их ненормативного использования и причин возникновения у обращений прагматического значения;
3) построение и описание модели речевого акта обращения в современном английском языке, позволяющей представить элементы и процессы речевого акта обращения в динамике;

4) рассмотрение обращения как функционально-прагматического поля, объединяющего разнородные языковые единицы на основе функциональной общности.

Материалом исследования послужили диалогические реплики с обращениями, заимствованные из художественных произведений английских авторов XIX–XXI вв. С. Ахерн «», П. Баркера «», В. Вульф «», Дж.К. Джерома «», С. Кинселлы «», К. Куксон «», М. Спарк «», Р. Чанс «» и др.и др.) и отобранные методом сплошной выборки.

В работе использовались следующие ***методы исследования*:** гипотетико-дедуктивный метод, контекстно-семантический анализ в сочетании с методами компонентного анализа и элементами количественного подсчёта.

Положения, выносимые на защиту:

1. Обращение в английском языке как самостоятельный речевой акт обладает собственными иллокутивными силами и перлокутивным эффектом.
2. Речевой акт обращения включает в себя номинативный, вокативный, социально-регулятивный (этикетный), оценочно-характеризующий, эмотивный, и дейктический иллокутивные акты в соответствии с коммуникативными функциями обращения в речи.
3. Наряду с пропозициональным содержанием речевой акт обращения может включать импликатуру, появление которой обусловлено нарушением нормативности употребления обращения или влиянием контекста. Целью использования импликатуры является а) стремление говорящего косвенным путем выразить свое отношение к адресату, б) изменить его пресуппозицию, в) выразить эмоцию, вопрос или директив.
4. Речевой акт обращения можно представить как

функционально-прагматическую полевую систему, объединяющую разнородные языковые единицы (элементы поля) на основе инвариантной функции идентификации адресата речи.

5. Функционально-прагматическое поле обращения имеет сложную структуру: формальный уровень – элементы поля и их взаимодействие, семантический уровень – коммуникативные функции обращения, определяющие его сущность и значение и их взаимосвязь; и функциональный - функционирование обращения в тексте как макросистеме и приобретение им прагматических значений.

Новизна исследования заключается в том, что в нём впервые рассматриваются трансформации коммуникативно-прагматических характеристик обращений английской лингвокультуры на материале художественных произведений XIX–XXI вв.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы в таких лекционных курсах, как: *Основы лингвокультурологии: вопросы теории и практики*, *Актуальные проблемы филологии и культурологии*, *Интернациональное и национальное в лингвокультурах*, *Культурологические аспекты интерпретации и перевода англоязычной литературы*, *Принципы построения дискурса: коммуникативный аспект*, *Язык делового общения: лингвокультурологический аспект* и др., а также при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно способствует развитию теории категории обращения, углубляет и систематизирует знания о коммуникативно-прагматических особенностях обращений и их трансформаций в английском языке в период XIX–XX вв.

Апробация работы. Результаты исследования отражены в следующих научных статьях:

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения, списка научной и справочной литературы, а также приложения.

Во ***введении*** обоснован выбор темы, указана её актуальность и степень разработанности в отечественной и мировой науке; определены объект и предмет исследования; последовательно изложены основная цель и задачи, обеспечивающие её достижение; охарактеризованы материал и методы исследования; сформулированы положения, выносимые на защиту; указаны новизна, практическая и теоретическая значимости исследования; описана апробация работы; а также определены композиционные особенности основной части работы с кратким содержанием выделяемых разделов.

В ***первой главе*** рассматривается история изучения обращения отечественными и зарубежными лингвистами, общетеоретические проблемы дефиниции обращения, его синтаксической природы, коммуникативных функций обращения в речи, языковых и коммуникативно-прагматических норм его употребления и влияние социально-ролевого соотношения коммуникантов на выбор и интерпретацию обращений.

Во ***второй главе*** обращение рассматривается как самостоятельный речевой акт. Выделяются составляющие и параметры контекста, необходимые для анализа речевого акта обращения.

В ***заключении*** представлено самостоятельное обобщение полученных результатов в рамках проведённого исследования; показано, как реализованы поставленные задачи, а также определены существующие перспективы дальнейшего изучения рассматриваемой проблематики.

Список ***научной и справочной литературы*** включает в себя ?? наименований научных трудов отечественных и зарубежных исследователей на русском и английском языках.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ОБРАЩЕНИЯ

1.1. Диалоговая среда обращений и их лингвистический статус

В современном мире «при изучении роли говорящего в диалоге всё бóльшее значение приобретает антропоцентрический подход» [Актуганова, 2015]. При этом адресант представляет собой языковую личность, представителя конкретной лингвокультуры, «носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик, 2004, с. 22], характеризующуюся постоянной нацеленностью на диалог [Агапова, 2002], поскольку, как правило, диалогическое взаимодействие возникает тогда, когда коммуникант испытывает необходимость обратиться к своему собеседнику «для разрешения определённой проблемы» [Дёвкин, 1981, с. 7].

В настоящее время диалогичность рассматривается как условие жизни социума [Бабаян, 2008], так как «коммуникативная сущность человеческой жизни имеет начальным социопсихологическим звеном намерение, желание вступить в общение с другим лицом» [Винокур, 2007, с. 107].

Предполагается, что «диалогический генезис» [Нетунаева, 2014] свойственен любому виду коммуникации, по сути, являющейся «диалогическим межличностным взаимодействием» [Бабаян, 2008, с. 63], «специфической формой социального контакта, основанной на передаче информации путём социального поведения и социальной связи между людьми» [Дёвкин, 1981, с. 5].

Следует отметить, что в реальной жизни диалог представляет собой устно-разговорную форму речи, экспромтную коммуникацию, происходящую между реальным адресантом и реальным или

потенциальным адресатом [Weigand, 1994]. Однако диалог в художественной литературе – это тщательно подготовленная письменная речь, в которой особое внимание автора уделяется формам выражения.

Соглашаясь с данной точкой зрения, исследователи В.Н. Бабаян и В.А. Кухаренко уточняют, что в условиях невозможности наблюдения за реальным общением коммуникантов, которые передают информацию с помощью мимики, жестов, действий, окружающих предметов и других паралингвистических средств, художественный диалог следует рассматривать как, с одной стороны, хорошо продуманное, но при этом, с другой стороны, неточное отражение устной речи, некий «аналог повседневной речи, который подчиняется её законам развития» [Кухаренко, 1988; Актуганова, 2015], «стилизацией и типизацией разговорной речи» [Бабаян, 2008, с. 67]. По мнению К.А. Долинина, субъективная репрезентация непосредственной разговорной речи в художественной литературе объяснима её природой «творческого процесса, порой достаточно далёкого от оригинала» [Долинин, 1985, с. 230].

С.А. Актуганова полагает, что «компрессия писателя, раскрытие характеров персонажей, социально-эстетические принципы литературного направления и другие задачи, поставленные перед автором, не позволяют исследователям отождествлять разговорную речь в художественном диалоге с устной разговорной речью» [Актуганова, 2015].

Однако Н.Г. Кайгородова, с другой стороны, учитывая то, что «литература формирует речевой идеал нации» [Кайгородова, 2005, с. 162–163], рассматривает художественный диалог как полноценную модель коммуникации, предоставляющую возможность анализировать способы достижения коммуникативного успеха и объяснять причины коммуникативных неудач. Данное означает, что художественное

воплощение реальной коммуникации всё же может привлекаться для изучения повседневной речи.

Рассматривая диалогическое общение, необходимо обратить внимание на роли его участников, обозначаемые понятиями «адресант» (отправитель текста), «адресат» (получатель текста с точки зрения адресанта) и «реципиент» (действительный получатель текста) [Актуганова, 2015].

Следует отметить, что В.Е. Гольдин отводит адресанту ведущую роль в организации направленности общения, который, в частности устанавливает порядок обращений [Гольдин, 2009]. Адресат подтверждает свою готовность к общению, реализуя свою коммуникативную роль [Винокур, 2007]. Реципиенту свойственен целенаправленный отбор текстов, которые могут быть предназначены и другим адресатам, а не именно ему [Гольдин, 2009].

Элементарное звено диалога состоит из последовательного чередования стимулирующей / побуждающей и реагирующей / ответной реплик, т.е. смены коммуникативных ролей, составляющей основу речевого общения [Богданов, 1990; Дорофеева, 2005]. В этом случае реакция одного коммуниканта становится стимулом для другого [Дёвкин, 1981]. Такая быстрая смена реплик участников диалога – «элементарного способа обмена информацией» [Актуганова, 2015] – приводит к их «тесной смысловой и структурной взаимосвязанности» [Дёвкин, 1981, с. 5]. Инициатива адресанта и адресата по вступлению в диалогическую коммуникацию может сопровождаться обращениями.

Следует отметить, что в настоящее время дискуссионным оказывается вопрос о соотношении понятий *смены коммуникативных ролей* и *категории режима диалоговедения*. Учитывая то, что последний характеризует речевое поведение коммуникантов, основываясь на психологическом (т.е. замысле и установке адресанта), организационно-

динамическом (т.е. распределении ролей коммуникантов) и композиционно-содержательном (т.е. содержании и структуре диалога) аспектах [Борисова, 2001], мы полагаем, что он не является равноценным смене коммуникативных ролей, поскольку последняя не представляет собой сумму психологического и содержательного аспектов взаимодействия.

Анализ теоретических трудов отечественных учёных, таких как: С.А. Актугановой, В.И. Арнольд, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Бабаян, В.Е. Гольдина, В.Д. Дёвкина, Л.М. Михайлова и др., позволил нам выявить следующий ряд основных признаков диалогического взаимодействия:

1) обязательное наличие двух и / или более собеседников [Михайлов, 1986; Бабаян, 2008; Актуганова, 2015];

2) учёт фактора адресата как обязательного компонента диалогической коммуникации [Гольдин, 2009];

3) ситуативность, т.е. зависимость от обстановки диалога [Арутюнова, 1972];

4) контекстуальность [Михайлов, 1986];

5) разноплановость передаваемой информации, различные оценки и реакции собеседников на неё [Арнольд, 2002];

6) вариативность длины реплик, сообщающих и передающих эмоции собеседников [Арнольд, 2002];

7) спецификация собеседников, включающая возраст, темперамент, принадлежность к определённой социальной группе, образование и др. [Дёвкин, 1981];

8) первичная устная форма производства речи [Михайлов, 1986];

9) репрезентация различных стилей речи [Арнольд, 2002];

10) спонтанность, непроизвольность [Михайлов, 1986];

11) экспрессивная реакция адресата, развивающая диалог, выраженная подхватами, повторами и пр. [Арнольд, 2002], перебивами, т.е. «перекрытием» речи одного коммуниканта другим [Гольдин, 2009];

12) ясно выраженная коммуникативная интенция адресанта, желающего управлять коммуникативным процессом, задающая определённую коммуникативную программу [Дёвкин, 1979; Михайлов, 1986];

13) понимание собеседниками языка диалогического взаимодействия [Бабаян, 2008; Актуганова, 2015].

В.Е. Гольдин отмечает, что на организацию диалогический коммуникации оказывают влияние определённые пресуппозиции, правила, а также обстановка, «однозначно предопределяющая понимание направленности речи и позволяющая элиминировать обозначение адресата» [Гольдин, 2009, с. 56].

Следует отметить, что пресуппозиция является важным понятием в теории речевых актов (далее РА), поскольку в зависимости от неё определяется иллокуция и интенция коммуниканта. Следовательно, пресуппозицией обладает любое предложение, если оно по характеру нейтральное, а не демагогическое или ироническое [ЛЭС, 1990, с. 396].

Прагматическая пресуппозиция включает в себя так называемые «условия удачи», т.е. предпосылки которые не имеют сигнификативного значения, но позволяют коммуниканту достичь своей цели [Leech, 1971, с. 48].

Пресуппозиция может быть *общей* (сюда входят знания и опыт, накопленный конкретным обществом, например, этикет, языковой код и т.д.) и *индивидуальной* (сюда включаются такие факторы как ситуация общения, роли и статусы говорящих и их различные характеристики, например, пол, возраст, мировоззрение и т.п.) [Богданов, 1982; и др.].

Пресуппозиция важна не только для порождения РА, но она также играет важную роль для восприятия данного акта коммуникантом. Прежде чем говорящий введёт имплицитную информацию, он устанавливает импликативные отношения, элементами которых являются вербализованный смысл и актуальные пресуппозиции [Лисоченко, 1992, с. 12].

Важным элементом в понимании имплицитного высказывания является совпадение пресуппозиций адресанта и адресата. По мнению Г.Г. Молчановой «закон адресата» заключается в том, что пресуппозиционная ёмкость высказывания и его импликативный ракурс непосредственно влияют на восприятие имплицитного смысла адресатом [Молчанова, 1990, с. 28–29). Основные положения закона адресата включают в себя следующие утверждения:

1) если пресуппозиции адресанта и адресата адекватны, поиск импликатур удачен;

2) если объём пресуппозиции адресата недостаточен для понимания импликатуры, поиск неудачен;

3) если объём пресуппозиции адресата больше объёма адресанта, происходит поиск непреднамеренной импликатуры, незаложенной адресантом.

Межличностные отношения, проявляющиеся в диалогической коммуникации, по мнению С.А. Актугановой, сводятся к следующим видам: равно- и неравноправия / главенства и подчинённости [Актуганова, 2015]. Последнее, как правило, обусловлено социальными причинами, например, «различиями в общественном положении или должности, профессиональном мастерстве, интеллекте, способностях, знаниях и осведомлённости, умениях, возрасте, ролях в определённых жизненных ситуациях и т.п.» [Дёвкин, 1981, с. 11].

Наряду с феноменом *диалога* в современной теории коммуникации рассматривается *полилог*, определяемый как специфический тип диалога, который задаёт конкретный вектор отношений собеседников [Иванова, 2009]. Несмотря на сходство некоторых признаков диалога и полилога, в частности в аспекте экстралингвистических факторов, а именно: количества коммуникантов, ситуации, официальности отношений и др., ряд исследователей таких, как С.А. Актуганова, Э.Б. Яковлева и др., всё же не признают полилог одной из форм диалога, считая его «более сложной по составу участников и межличностных отношений, а также по языковой структуре» формой коммуникации [см., например: Яковлева, 2006, с. 6; Актуганова, 2015; и др.]. Среди характерных признаков полилога авторы отмечают меньшую степень близости адресанта и адресата, разнообразие коммуникативных ролей, продуманность реплик, меньшую экспрессивность, возможность отсутствия реакции со стороны всех собеседников, отставание реплик во временных интервалах и пр. [Яковлева, 2006].

Таким образом, представляется возможным резюмировать, что диалогическая коммуникация принимает различные формы, обладая богатым диапазоном дифференциальных признаков, и обращение является одним из главных элементов диалогической интеракции.

Интеракция коммуникантов представляет собой динамическое межличностное и / или межгрупповое взаимодействие [Орлова, 2013] в «социально-культурных условиях ситуации» [Бабаян, 2008, с. 81; Макаров, 2003, с. 38], направленное на изменения «мыслей, эмоций, установок, предпочтений и в целом поведения и деятельности в целях обеспечения результативного общения и выработки единой стратегии» [Горанчук, 2003, с. 136].

Рассмотрение интеракции как «действий двух субъектов, направленных друг на друга» или «на общий объект» [Таирова, 2011;

Фёдорова, 2005, с. 482] доказывает её социальную природу, для которой характерна «причинная зависимость действий партнёров, когда поведение одного выступает одновременно и стимулом, и реакцией на поведение другого» [Поликарпов, 2013, с. 18], иными словами, когда между коммуникантами проявляется взаимная связь.

При интеракции адресант и адресат стремятся к установлению и поддержанию контакта, достижению гармонии [Орлов, 1991], выражая интерперсональные отношения [Алфёров, 2001]. В процессе интеракции происходит эмоциональная адаптация адресанта к адресату, с одной стороны, и к конкретной коммуникативной ситуации, с другой [Бабаян, 2008].

Отметим, что понятие интеракции не является синонимичным понятию коммуникации. Последнее рассматривается только как частный случай социальной интеракции, где намерения коммуникантов отражают их внутреннее состояние [Макаров, 2003].

Обращение в интеракции рассматривается как речевой акт (далее РА), т.е. «целенаправленное речевое действие, которое совершается в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в конкретном социуме» [Ларина, 2003]. Характерными чертами РА являются: намеренность (интенциональность), целеустремлённость и конвенциональность [Актуганова, 2015].

РА свойственны фазы локуции (соотношение высказывания с действительностью), иллокуции (целенаправленность высказывания) и перлокуции (воздействие на сознание или поведение адресата, создание новой ситуации) [Арутюнова, 2002].

Обращение представляется РА в виде минимального перформативного высказывания [Формановская, 2000]. В свою очередь перформатив выступает экспликацией РА, т.е. высказыванием, эквивалентным действию. В контексте жизненных событий он создаёт

«социальную, коммуникативную или межличностную ситуацию, влекущую за собой определённые последствия» [Ничкало, 2012].

Будучи индексальным знаком, обращение, по мнению И.В. Дорофеевой, редко реализуется самостоятельно, но обычно «входит в последовательность речевых актов, подчиняя свою иллокутивную силу иллокутивной силе акта сообщения, акта приказа или просьбы, акта совета, акта запрета, акта извинения и т.п.» [Дорофеева, 2005, с. 33–34].

Л.Ю. Щипицина отмечает, что адресант, осуществляя РА обращения, называя адресата каким-либо образом, тем самым, сообщает ему информацию, которая содержит семантические и прагматические компоненты [Щипицина, 2014]. В этой связи обращение представляется и средством, выражающим «взаимные отношения между лицами» [Буслаев, 1959, с. 277], и некой «прагматической вставкой в высказывании» [Арутюнова, 1977, с. 340].

С.А. Актуганова утверждает, что «в выборе формы обращения для конкретной коммуникативной ситуации прагматика доминирует над семантикой» [Актуганова, 2015], учитывая контекст и экстралингвистические факторы (условия протекания интеракции, коммуникативные установки, межличностные отношения и социальный статус собеседников и др.). Другими словами, функционирование знаков в речи преобладает над отношениями знаков к объектам реальности.

Способствуя взаимодействию адресанта и адресата, обращение создаёт особое коммуникативное пространство. Его языковые единицы, с одной стороны, выполняют функцию адресации, а, с другой стороны, позволяют адресату идентифицировать себя как реципиента речи в вербальном контакте [Арутюнова, 1988].

Следует отметить, что концепция адресации в настоящее время активно изучается в лингвистике, и в частности в научных трудах таких учёных, как Л.А. Азнабаева, Н.Д. Арутюнова, А.В. Полонский,

Н.И. Формановская и др. Так, А.В. Полонский полагает, что «категория прагмасемантического адресата возникает только тогда, когда мы переходим от языка как структуры к языку как средству общения, т.е. выходом за пределы внутриязыкового пространства в функционально-коммуникативное, в котором реализуется диалоговая природа слова» [Полонский, 1999, с. 37].

Б.И. Караджев указывает, что адресация постулируется как явление в исследованиях речи, но конкретизируется в теории общения [Караджев, 2009]. Другими словами, адресат исследуется в качестве второго активного субъекта коммуникативных взаимодействий, «реализующий свои личностные, социально-психологические и ролевый особенности в ответной реакции» на полученное речевое сообщение адресанта [Полонский, 1999, с. 8].

Таким образом, обращение, представляющее собой «слово или сочетание слов, называющее адресата речи» [Сирота, 2017], распространённое языковое явление, принадлежащее, прежде всего, разговорной речи и особенно диалогической [Валгина, 1991], рассматривают как одно из основных средств выражения категории адресатности, первичное «вербальное средство выражения обращённости высказывания» [Гольдин, 2009, с. 49], главное средство явного выделения адресата, связанное вокативным отношением с основным высказыванием. По сути, вокативность «отражает отнесённость высказывания к тому, кто обозначается словом» [Велтистова, 1964, с. 4–6].

Рассмотрим лингвистический статус обращения. Многочисленные труды отечественных и зарубежных учёных, рассматривающих проблему обращения, таких как А.В. Велтистова, В.Е. Гольдин, Л.В. Гущина, О.Г. Минина, Л.П. Рыжова, А.А. Шахматов, С. Гринбаум, Р. Квирк, Р. Клоуз и др., свидетельствуют о сложности и многоаспектности данного

феномена и, соответственно, отсутствии единой терминологии [Гущина, 2006; Гольдин, 2009; и др.].

А.М. Пешковский полагает, что обращение относится к словам и словосочетаниям, которые не образуют «ни предложения, ни их частей» [Пешковский, 1956, с. 511].

Н.С. Валгина, Л.В. Гущина и др. считают, что наличие побуждения как формальной основной роли обращения препятствует ему вступать в связи согласования, управления или примыкания с каким-либо членом предложения, при котором оно находится [Валгина, 1991; Гущина, 2006; и др.]. И в этом случае обращение вне зависимости от степени его распространённости остаётся посторонним для данного предложения словом или группой слов. Более того, предполагается, что обращение является недостаточно самостоятельным для того, чтобы самому образовывать предложение.

Тем не менее, следует отметить те точки зрения в современном языкознании, согласно которым обращение признаётся синтаксической единицей, особым видом предложения [см.: Шахманов, 1941; Иванова, 1981]. Так, отечественные учёные, например, И.В. Дорофеева и О.Г. Минина отмечают, что обращение обладает статусом самостоятельной коммуникативной и синтаксической единицы [Минина, 2000], не имея строго закреплённой позиции в предложении [Дорофеева, 2005].

В свою очередь А.А. Балакай и Н.Ю. Шведова рассматривают обращение как синтаксически независимый компонент предложения и потому связанный с остальным составом предложения как семантически, так и синтаксически [Балакай, 2005]: «Обращение – это распространяющий член предложения – имя в форме им. п., возможно – с зависящими от него словоформами, называющий того, к кому адресована речь. Обращение не представляется таким распространителем, который никак не связан с

остальным составом предложения. Такая связь существует. Она проявляется, во-первых, в том, что любое предложение, сообщающее о действии или состоянии определённого субъекта и имеющее в качестве сказуемого глагол в форме 2 л., с абсолютной регулярностью может распространяться обращением, называющим субъект, который либо обозначен в подлежащем местоимением, либо не обозначен совсем. Во-вторых, всегда, в любом предложении, обращение создает синтагму, либо входит в синтагму вместе с другими словами в предложении» [Шведова, 1980, с. 702].

Однако, распространяя предложение, обращение не выполняет функцию главного или второстепенного члена, а значит, не является таковым. В связи с этим обращение, как правило, рассматривается в качестве осложняющего компонента предложения наряду с вводными словами и вставными конструкциями.

Подобную точку зрения мы обнаруживаем и в работах зарубежных исследователей (например, Р. Квирка, Г. Суита и др.), считающих обращение самостоятельной единицей, грамматически не связанной с другими членами предложения, обладающей синтаксической независимостью и способностью употребляться самостоятельно, равно как вводные слова, междометия, абсолютные конструкции и слова *yes*, *no*, *thank you*, *please*, *hello* и др. [Sweet, 1955; Quirk, 1982; и др.].

Г. Керм в свою очередь ставит обращение в один ряд не только с междометием, но и причастием, поскольку они обладают единой мыслью, передаваемой в предложении, но не имеющей грамматической структуры [Curme, 1966, с. 149]. По мнению автора, обращения, равно как и междометия, могут употребляться самостоятельно в составе примитивного предложения. Г. Керм полагает, что главную роль играет то, с какой интонацией было произнесено обращение: если громко и с зовущей интонацией, то оно может использоваться самостоятельно как отдельное

предложение. Если в функции обращения выступает имя собственное, произнесённое отрывисто и сердито, то оно передаёт недовольство и осуждение [Curme, 1935, с. 152].

Следует отметить, что на сходство междометия и обращения обращает внимание и К. Анионз, отмечая то, что ни те, ни другие не формируют группы придаточных предложений или подлежащего или сказуемого, что помещает их за рамки формальной структуры предложения [Onions, 1971, с. 17].

По мнению Р. Пенса, прямое обращение представляет собой независимую абсолютную конструкцию, которая может характеризовать какое-либо слово, фразу или придаточное предложение. Такая конструкция, с одной стороны, обособлена от других предложений в тексте, но, с другой, логически связана с ними [Pence, 1947, с. 121].

Очевидно, что обращение связано, прежде всего, с такими понятиями, как *обращённость речи* и *коммуникативная единица языка*. Обращённость выражается интонацией, а значит, обладает грамматическим значением.

Н.К. Адамбаева, З.Р. Дзугаева, Е.В. Филиппова и др. отмечают наличие нескольких видов синтаксических отношений между обращением и предложением, а именно: вокативного отношения, выраженного независимой формой посредством её синтаксического использования в качестве обращения, и отношения между обращением и предложением в целом, отражающего отнесённость высказывания к адресату и устанавливающее специфическое интонационное выражение в предложении [Филиппова, 2012; Адамбаева, 2015; и др.]. Авторы полагают, что интонация связывает обращение со всем предложением, уточняя, что «если обращение в английском языке употребляется лишь с целью стимулирования ответа со стороны обозначаемого им лица, оно

может и не обособляться. Однако в этом случае оно произносится с восходящим тоном» [Адамбаева, 2015].

А.П. Загоруйко также указывает на наличие соотносительной связи между обращением и предложением, объясняя её существование способностью обращений активно поддерживать внутритекстовую когезию, расширяя при этом свои функции [Загоруйко, 2005].

Принимая во внимание рассмотренные выше точки зрения, мы полагаем, что обращение представляет собой самостоятельный компонент предложения, состоящий из слова / группы слов, обозначающего(й) адресата речи, обособленный интонационно и грамматически.

1.2. Типология обращений

Следует отметить, что не только определение понятия обращения, но и классификации его типов не получают единой трактовки, основываясь на различных аспектах.

Так, Д.В. Попова считает, что реализация обращения одним словом, нераздельным и двучленным сочетанием слов, а также группой слов, связанных между собой союзом *and*, позволяет различать *простые*, *сложные* и *составные обращения*, а именно:

1) состоящие из одного слова, которое может быть выражено: именем существительным (собственным / нарицательным); именем прилагательным; личным / возвратным местоимением; неопределённым местоимением; наречием или нераздельных сочетаний слов (*Dombey*, *stupid*, *everyone* и др.);

2) представляющие собой слияние обращений (*Phyliss girl*, *Betty my beloved*, *you two* и др.); или результат осложнения простого обращения, выраженного одним словом, или нераздельным сочетанием слов,

определителем (*my darling dear Miss Floy* и др.). Последний может быть выражен:

а) притяжательным местоимением 1-го лица *my* (*my father, my fellow countrymen*) или его абсолютной формой *mine* (как предложно – *sister of mine*, так и беспредложно – *mother mine*);

б) именем прилагательным или причастием (*young ladies, working class, respected sir* и др.);

в) именем существительным в общем и притяжательном падеже (*Bonn deputies, Walter's uncle*);

г) определительным причастным оборотом (*Ghastly grim and ancient Raven, wandering from the Nightly shore*);

д) определительным придаточным предложением (*Ye! Whose agonies are evils of a day*);

е) личным местоимением 2-го лица (*all of you*);

3) являющиеся соединением ряда обращений в одно посредством союза *and* (*my friends and fellow countrymen and down-trodden operatives of Coketown, boys and girls*) [Попова, 2017].

Другую классификацию обращений формируют междометия и знаменательные слова, включающие в себя *назывные* (т.е. антропонимы), *нарицательные* (т.е. окказиональные, термины родства, должности, титулы, дескрипции, оценки) и *местоимённо-указательные имена* [Оликова, 1974; Дорофеева, 2005; Актуганова, 2015].

Также типы обращений классифицируют по признаку оценочности, выделяя: *неоценочные*, включающие в себя формулы вежливости, термины родства, профессиональные обращения, окказиональные аппелятивы, и *оценочные вокативы* – зоонимы, фитонимы, названия частей тела, сладостей, характерного признака личности, сленг [Оликова, 1979; Актуганова, 2015].

Поскольку обращения являются вербальным средством выражения интраперсональных отношений между коммуникантами, занимающими различные положения в социуме [Оликова, 1979], мы полагаем, что различные сферы общения (административно-правовая, социально-бытовая, социально-культурная, профессионально-трудовая) [Рыжова, 1982] и типы дистанций между участниками коммуникации (публичная, социальная, персональная и интимная) [Hall, 1969], определяющие характер их отношений, позволяют исследователям выделять следующие типы обращений [Гущина, 2006]:

1. ***Публичная дистанция:*** выбор обращений ограничен призывными формами, типа *gentle reader*, *ladies and gentlemen*, *dear listeners*.

2. ***Социальная дистанция:*** выбор обращений регламентируется социальным статусом адресата, который определяет его принадлежность к той или иной общественной группе и соответствующий ей круг прав и обязанностей. Другими словами, социальные вокативы устанавливают признак социального статуса, определяя позицию адресата в социальной иерархии [Карасик, 2000; Гущина, 2006]. К таковым относятся:

- ***титулы:*** *Mr*., *Sir*, *Esq* являются обращениями, адресуемые представителям мужского пола, используемые, например, в типичных ситуациях социального неравенства: обращения младшего к старшему, солдата к офицеру, ученика к учителю, продавца к покупателю и др. [Попова, 2017].

Форма *Mr*. используется при обращении к мужчине независимо от его возраста и семейного положения. При обращении к нескольким лицам употребляется *Messrs*, например: *Messrs Thomas and Smith*.

В том случае, когда фамилия адресата, представителя мужского пола, неизвестна, следует использовать титулы *Sir* или *Sirs* при обращении к нескольким лицам, например: *Dear Sirs!*

Титул *Esq* употребляется в английском языке в качестве синонима *Mr*., обособляясь запятой и занимая позицию после имени собственного, например: *Michael S. Johnson, Esq.*

Как правило, указанные титулы используются только с фамилиями адресатов (т.е. не самостоятельно и не с именами собственными). Нарушение указанного правила может свидетельствовать о низком социальном статусе говорящего [Карасик, 1991], например, ребёнка или слуги. В определённых официальных ситуациях указанные титулы употребляются с ограниченным списком должностей / социально-престижных позиций и без фамилий, например: *Mr. President*, *Mr. Secretary*, *Mr. Speaker*.

Следует отметить, что использование титулов *Mr* / *Mrs* / *Ms* с фамилиями является широко распространённой в кругу людей среднего и пожилого возраста, иногда даже несмотря на тесное знакомство и / или многолетние дружеские отношения [Стернин, 2003]. Если адресант намеревается подчеркнуть дистантность отношений, то он может употребить данное обращение и в ситуации общения людей одного возраста или положения, при обращении старших к младшим [Смит, 2003].

По отношению к представительницам женского пола используют обращения с титулами *Mrs*., *Ms*., *Miss*, *Madam*. Формы *Mrs*. и *Mmes* при обращении к нескольким женщинам используется перед фамилией, именем, фамилией замужней женщины или перед именем и фамилией её мужа: *Mrs. Smith, Mrs. Mary Smith, Mrs. John Smith*.

Следует отметить, что форма титула *Mrs*. представляет собой сокращение от *mistress*. Форма *Miss* употребляется с фамилией по отношению к незамужней женщине, например: *Dear Miss Smith!* В свою очередь форма *Ms*. является языковым эквивалентом мужской формы *Mr*., так как она употребляется по отношению к представительнице женского пола [Барбашева, 2013], не определяя статус её семейного положения.

Поэтому, например, современная англоязычная официальная корреспонденция имеет строгую тенденцию употреблять форму *Ms*.

Madam и *Mesdames* при обращении к нескольким женщинам является официальным обращением к женщине и, по сути, имеет похожую коннотацию с мужским *Sir*, поскольку также используется тогда, когда фамилия адресата неизвестна, например: *Dear Madam! Dear Mesdames!*;

- профессионализмы могут употребляться как самостоятельно, так и в сочетании с фамилией или именем собственным. Например, вокативы, обращённые к медицинскому персоналу, включают в себя титул *Doctor* или его сокращённую форму *Dr* в сочетании с фамилией адресата. Однако при общении с доктором наук обязательно следует указывать фамилию. Следует отметить, что учёное и / или воинское звания никогда не сочетаются с титулом *Mr*.

3. ***Персональная и интимная дистанции:***

- антропонимы: *Oliver*, *Philip*, *Sidney*, *Albert*;

- ласкательные обращения: *Ol*, *Phil*, *Sid*, *Bert*. С. Смит и Т.В. Ларина отмечают, что английские уменьшительно-ласкательные имена свидетельствуют не о фамильярности приятельских отношений, но об общей тенденции, свойственной носителям английского языка, обращаться к сокращённым формам лексем при любом возможном случае [Смит, 2003], что может быть обусловлено применением принципа экономии языковых средств, характерным англоязычной лингвокультуре. Согласно точке зрения А. Мартине, сформулировавшего принцип Экономии в языке, «практические потребности общения предполагают постоянную и очень значительную избыточность языковой формы, характерную для всех уровней последней» [Мартине, 1963, с. 537].

Следует отметить, что принципу языковой экономии А. Мартине соответствует категория количества, выделенная Г.П. Грайсом. Согласно постулатам данной категории, высказывание говорящего «должно

содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога» и «не должно содержать больше информации, чем требуется» [Грайс, 1985, с. 222].

А. Мартине также отмечает, что постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия может рассматриваться в качестве движущей силы языковых изменений [Мартине, 1963, с. 532–533], что мы и можем наблюдать в речи;

- *имена родства.* По отношению к отцу в английском языке функционируют вокативы в формах: *Father – Dad – Daddy – Pa – Papa*, и к матери – *Mother – Ma – Mam – Mum – Mamma – Mummy*.

К детям, как правило, обращаются, используя лексемы *son* (к сыну), *daughter* (к дочери), *twins* (к близнецам), а также личные и / или уменьшительно-ласкательные имена, например: *kitty*, *honey* и др.

К старшим членам семьи (дедушкам и бабушкам) принято обращаться, используя лексемы: *Grandpa – Granddad – Grandma – Granny*.

Лексемы *Uncle* и *Aunt* в английском языке реализуются в речи обычно по отношению к родственникам: *Uncle Tom*, *Aunt Mary* и др.

Обращения *brother* и *sister* могут употребляться в сокращённых формах: *bruv* и *sis*.

Проанализировав представленные классификации, мы полагаем, что позиционные пресуппозиции и официальный характер коммуникации профессионально-трудовой сферы ограничивают выбор форм обращений адресантов. В то время как коммуникантам административно-правовой и социально-бытовой сфер общения свойственна бóльшая свобода в выборе вокативных форм.

Рассмотрев типы обращений, становится очевидным, что обращению присущи различные функции. И, прежде всего, это ***номинативная функция*** обозначения собеседника [Тарасов, 2009].

В.И. Карасик считает, что обращение как единица адресации выполняет ***аппелятивную / контактоустанавливающую и контактоподдерживающую функции***, способствуя тем самым вовлечению коммуникантов в диалог [Карасик, 2002].

С.А. Актуганова полагает, что «характеризуя адресата, обращение проявляет не вокативную, а ***эмоционально-оценочную функцию***» [Актуганова, 2015], в терминах Л.П. Рыжовой и В.Е. Гольдина – «***характеризующую коммуникативную функцию***» [Рыжова, 1982, с. 7; Гольдин, 2009, с. 93].

Однако следует отметить, что не все исследователи согласны с данной точкой зрения. Так, например, А. Вежбицкая полагает, что обращение, будучи «прагматическим оператором», не является идентификатором [Вежбицкая, 1982, с. 262], поскольку дескрипция (описание, характеристика адресата) не может выступать в качестве обращений.

В свою очередь О.Г. Минина приписывает обращению модальность, которая передаёт отношение адресанта к адресату, выполняя ***эмоционально-экспрессивную функцию*** [Минина, 2000] или ***функцию выражения отношения*** [Оликова, 1979; Тарасов, 2009].

Этикетная функции обращения рассматривается с позиции теории речевых актов и теории речевого этикета [см., например, Гущина, 2006; Гольдин, 2009; и др.], представляющего собой «систему социально заданных и национально специфических правил речевого поведения, регулирующую выбор кода» [Формановская, 2000, с. 85].

М.В. Панкратова отмечает, что непосредственное отношение обращения к нормам речевого этикета обусловлено его адресным характером, т.е. обращённостью [Панкратова, 2005, 136].

Интересна точка зрения В.Е. Гольдина, по мнению которого, выполняя этикетную функцию, обращения ответных реплик не играют

адресующей роли, т.е. не используются в целях адресации. Так, реплика, начинающаяся с обращения, следующая за вопросом, не является ответом на таковой, а представляет собой «смену речевой инициативы и связанного с этим тематического, логического или какого-либо иного переключения» [Гольдин, 2009, с. 57]. Автор полагает, что все обращения выполняют этикетную функцию, однако лишь некоторые из них способы играть основную этикетную роль [Гольдин, 2009].

В связи с вышесказанным представляется возможным рассмотрение этикетного речевого акта (далее ЭРА) обращения, который реализуется на пересечении теории речевого этикета и теории РА. Очевидно, что ЭРА обращения важны в организации коммуникации, поскольку, с одной стороны, они придают общению определённую тональность, а, с другой, способствуют соблюдению паритетности – главного принципа интеракции – «на протяжении всего межличностного общения, начиная с приветствия и заканчивая прощанием» [Руди, 2010, с. 72].

ЭРА обращения, безусловно, связан с категорией вежливости [Руди, 2010]. Так, И.В. Щербинина отмечает, что основным предназначением ЭРА является поддержание ритуально-этикетных отношений в сфере вежливой коммуникации [Щербинина, 2007]. Обязательным условием осуществления ЭРА оказывается положительная оценочность, направленная на создание успешного диалога и благоприятной атмосферы общения.

Мы полагаем, что этикетной функции обращения также соответствует социально-регулирующая, «указывающая на социальный статус коммуникантов» [Эрелт, 1999].

На наш взгляд, обращение, будучи многозначной единицей, способно реализовывать одновременно несколько функций. Например, рассмотрим функционирование так называемых *специализированных обращений*, которые не являются наименованием лица, но представляют

собой регулятивы, передающие отношения, побуждающие коммуникантов к общению в непринуждённой, дружеской, фамильярной тональности, отражающие их социальный опыт, активно воздействующие на коммуникацию и распределение ролей и отличающиеся социально-ситуативной ограниченностью использования [Гольдин, 2009, с. 93–94].

Обращения-регулятивы реализуются в семейной и дружеской обстановке, с одной стороны, регулируя взаимоотношения коммуникантов, а, с другой, выполняя характеризующую функцию. Так, например, в диалогах между влюблёнными используются обращения-регулятивы *my love*, *sweet*, *fair love*:

(1) *How now, my love! Keep promise, love. Look, here comes Helena* (Shakespeare, 1939, с. 36–37).

(2) *Sweet, do not scorn her so* (Shakespeare, 1939, с. 61).

(3) *Fair love, you faint with wandering in the wood* (Shakespeare, 1939, с. 48).

Выполняя номинативную, оценочную и эмоционально-экспрессивную функции, обращения, представленные бранной лексикой (*blockhead*, *unfeeling brute*, *monster*), в следующем примере выражают негативное отношение адресанта к адресату.

(4) *– Bear witness again, you blockhead you, and I'll turn you out of the room directly… Do you laugh, you unfeeling brute, as if you enjoyed my distress?*

– I can bear witness to that.

– Do you insult me, monster? I'll teach you to vex your mother, I will (Goldsmith, 1978, с. 276).

Следует отметить, что РА интеракции, как правило, обуславливается не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами, которые оказывают влияние на выбор той или иной формы обращения.

В.Д. Дёвкин предлагает различать *объективные* и *субъективные экстралингвистические факторы* [Дёвкин, 1981].

К ***объективным факторам РА*** следует отнести:

1) ***визуальный фактор***, представляющий собой кинетический канал связи. Например, адресант выражает своё недоумение из-за неожиданной смены образа адресата, используя обращение-антропоним *Samantha*, эмфатическое выражение *what on earth*, уместное в дружеской коммуникации, сравнение *like Elton John* в утвердительном, вопросительном и восклицательном предложениях:

(5) *Samantha… what on earth are you wearing? You look like Elton John!* (Kinsella, 2005, с. 240);

2) ***нехватка времени***, побуждающая собеседников применять языковой принцип экономии и, соответственно, использовать уменьшительно-ласкательные обращения, компактные термины родства и пр. Например:

(6) *Sam… good luck for tomorrow* (Kinsella, 2005, с. 33);

(7) *Rehearsals start in three months, Mel!* (Chance, 2012, с. 18);

(8) *I'm so sorry, Dad!* (Chance, 2012, с. 231);

(9) *Happy Birthday, sis* (Ahern, 2005, с 361);

(10) *It'll be on Catchup, Mum* (Chance, 2012, с. 234);

3) ***предметная и деятельностная обстановка интеракции***. Например, дружеская обстановка располагает собеседников обращаться друг к другу по имени, используя ласкательные обращения и неформальный стиль общения:

(11) *Nathaniel! Get over there! Hey, Nathaniel* (Kinsella, 2005, с. 196–198);

(12) *Have a great evening, love! And happy birthday!* (Kinsella, 2005, с. 25);

4) ***степень официальности обстановки***. Согласно речевому этикету официальная коммуникация предполагает использование вежливых формальных обращений, например, титулов. Так, обращение-титул *Sir* в реплике коммуниканта свидетельствует об уважительном отношении к её собеседнику, выполняя при этом социально-регламентирующую функцию и подчёркивая социальную дистанцию между партнёрами по коммуникации:

(13) – *Samantha, Samantha, Samantha, I'm going to give you a little tip that will stand you in good stead in life. Always read legal documents very carefully.*

– *Yes, sir, I'll try to remember that* (Kinsella, 2005, с. 119–120).

В неформальной обстановке общения мы можем наблюдать использование ласкательных обращений. Так, например, прощаясь со своей подругой, девушка обращается к ней, используя лексему *babe*, что придаёт данному диалогу душевную и доверительную тональность:

(14) *I have to go, babe. Love you* (Kinsella, 2005, с. 209).

Неформальная обстановка в кругу семьи также способствуют использованию уменьшительно-ласкательных форм личных имён самостоятельно или вместе с ласкательными обращениями типа *love*, *dear*, *darling*, *sweetie* и др. Например:

(15) *Must say, Melody, I wasn't over the moon about you wanting to be an actress, but we do end up meeting famous people whenever you're around, dear* (Chance, 2012, с. 237);

(16) *Come on, Sonia love, don't rush her like this* (Chance, 2012, с. 232);

(17) *You have been through the wars, Mel love* (Chance, 2012, с. 230);

(18) *Oh, don't be ridiculous, love* (Kinsella, 2005, с. 154);

(19) *Darling, it's all your father fault* (Chance, 2012, с. 270).

(20) *James! Darling! Sweetie, there's a pap out here, can we give him a photo?* (Chance, 2012, с. 163).

Кроме того, собеседники-друзья могут обращаться друг к другу, используя зоонимы, например:

(21) *Happy birthday, chicken* (Kinsella, 2005, с. 251);

(22) *Don't be too hard on yourself, chicken, we all flounder* (Kinsella, 2005, с. 217).

Также анализ неформальной коммуникации в кругу родственников выявляет употребление сокращённых форм терминов родства в качестве обращений, например:

(23) *I am so sorry, Granda. I am sorry if I've upset you* (Cookson, 2007, с. 18).

По мнению В.Д. Дёвкина к ***субъективным экстралингвистическим факторам РА*** относятся следующие [Дёвкин, 1981]:

1) ***тема разговора***. Так, адресант, обсуждая предстоящую работу в юридической организации, использует в отношении адресата формальное обращение по имени и фамилии (*Samantha Sweeting*), вокатив-профессионализм, определяющий статус коммуникантов в интерперсональных отношениях (*equity partner*):

(24) *You need to start pulling in business, Samantha Sweeting, equity partner* (Kinsella, 2005, с. 353);

2) ***коммуникативные способности собеседников*** позволяют адресанту использовать обращения-окказионализмы, а также присваивать прозвища своим адресатам, учитывая особенности их характера, конкретной ситуации и т.д. Так, например, не заметив радости в глазах своего друга после сообщения ему новости о своих романтических отношениях, адресант, выражая иронию, использует окказиональное обращение *Mr. Supportive*:

(25) *Well thank you, Mr. Supportive, for being so happy for me* (Ahern, 2005, с. 89);

3) ***гендерные особенности коммуникантов***. Проведённый нами анализ выявил использование оценочно-характеризующих обращений (ласкательных, зоонимов) с положительной семантикой в рамках межличностной, дружеской коммуникации представительниц женского социокультурного пола, например: *darling*, *dear*, *chicken*, *sweetie* и др. Например:

(26) *Darling! Oh my God, just look at you! Your poor face!* (Chance, 2012, с. 77);

(27) *Oh, dear, what has happened?* (Chance, 2012, с. 85);

(28) *Well… good-bye, chicken. And good luck* (Kinsella, 2005, с. 351);

(29) *Sweetie… I'm sure you're doing what's best for you* (Kinsella, 2005, с. 3520).

Следует отметить, что использование подобных обращений в кругу друзей, представителей мужского социокультурного пола, не характерно для английской лингвокультуры. Так, приятели могут обращаться друг к другу по фамилии, например:

(30) *Now I tell you what, Gradgrind! Turn this 131 girl to the right about, and there's an end of it* (Dickens, 1952, с. 4);

(31) *I hope, Bounderby, that this was merely an oversight* (Dickens, 1952, с. 49);

или используя ласкательное обращение *mate*:

Mate, that's excellent (Chance, 2012, с. 223);

4) ***возраст собеседников*** также диктует выбор обращений. Например, использование обращений *child*, *girl*, *young man* и др. в речи старших по возрасту коммуникантов реализуется в отношении их адресатов:

(32) *Well, child, but though you can't work house work, as you call it, you will learn it in time, and they won't put you to hard things at first* (Defoe, 1994, с. 11).

(33) *You like football, young man?* (Chance, 2012, с. 235).

(34) *Now, girl, take this gentleman and me to your father's; we are going there* (Dickens, 1952, с. 28);

5) ***эмоциональное и психологическое состояния коммуникантов*** могут спровоцировать использование обсценной лексики в качестве обращений. Например, находясь в тяжёлом психологическом состоянии, адресант выражает свой гнев и раздражение в отношении маленькой девочки, используя обращение *you beast*:

(35) *Get out, you beast!* (Spark, 1976, с. 75).

Однако выбор обращений может зависеть и от психологических особенностей адресата. Так, адресант, заметив подавленное состояние своей собеседницы, проявляет обеспокоенность её последующими действиями и обращается к ней, используя ласкательное *love*:

(36) *You ain’t going to do anything stupid, love, are you?* (Chance, 2012, с. 1670).

Испытывая гнев и раздражение, коммуниканты намеренно переводят общение из неформального регистра в формальный, используя в качестве обращений сочетание имени и фамилии. Например:

(37) *– She is no cow, and don’t you refer to her such, Annie Trotter!*

– And don’t you bark at me, William Trotter, else I’ll give you what for! I‘ve got you where I want you. You’ll keep a civil tongue in your head (Cookson, 2007, с. 11);

(38) *– Right Mum, most of your stuff’ll go round Mel twice.*

– Ashley Dale! Don’t you talk to your mother that way! (Chance, 2012, с. 293).

(39) *– Literally. You better not wander around the village looking like that, Mel. Not neat the riding school, anyway. With the face like that you’ll spook a whole string of horses at one go.*

– *Ashley Dale, don’t you make fun of your sister like that!* (Chance, 2012, с. 229).

Таким образом, проведённое нами исследование позволяет сделать вывод о том, что выявленные экстралингвистические факторы оказывают влияние на выбор обращений в различных ситуациях общения.

Выводы

1. Современные исследования расширяют сферу изучения обращения к собеседнику, фокусируя своё внимание на личности каждого коммуниканта и его положении в социуме.

2. Исследуя обращение в диалогической речи, во внимание принимается языковая личность адресанта, имеющая характер, обладающая определённым темпераментом, интеллектом, психологическими особенностями, проявляющимися при интерперсональном взаимодействии, а также социальное положение.

3. Формы обращений оказывают влияние на ход её развития, выбор которых демонстрирует социальный статус, отношения партнёров по коммуникации и изменения таковых.

4. Обращение представляет собой самостоятельный, интонационно и грамматически обособленный компонент предложения, обозначающий лицо или предмет, являющийся адресатом речи.

6. Особенности функционирования обращения как сложной и многофункциональной единицы речи определяются коммуникативно-прагматическим контекстом.

7. Выбор типов обращений обусловлен различными сферами общения (административно-правовой, социально-бытовой, социально-культурной, профессионально-трудовой) и типами дистанций между

коммуникантами (публичной, социальной, персональной и интимной), которые определяют характер их отношений.

2. ОСНОВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБРАЩЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В XIX-XXI ВВ.

Языковая эволюция и её социально-историческая обусловленность давно вызывают повышенный интерес лингвистов, поскольку использование эволюционного анализа может способствовать выявлению и объяснению механизмов языка, а также рассмотрению его структурной организации [Bolhuis, 2014].

Понятие эволюции означает необратимый во времени процесс исторического изменения, трансформации систем. При этом трансформация представляет собой преображение, изменение вида в результате совокупности концентрированных и направленных социальных изменений, выражающееся в преобразовании системы.

Следовательно, под трансформациями коммуникативно-прагматических характеристик обращений в нашей работе мы будем понимать те изменения в их употреблении, которые возможно выявить при сопоставлении языка на разных временных срезах.

Обращаясь к диахроническому подходу исследования вокативов, мы предполагаем реконструкцию, изучение языковой вариативности, рассмотрение трансформаций коммуникативно-прагматических характеристик обращений вследствие изменений видения мира его носителей.

Как известно, «диахрония предполагает динамический фактор, приводящий к определённому результату, производящий определённое действие» [Соссюр, 1999, с. 94]. Иными словами, диахронический подход способствует исследованию отдельных языковых единиц, но не языка в целом. Ему не свойственна определённая регулярность. Исследуемые

языковые единицы носят случайный и частный характер и обладают императивностью, т.е. «всегда навязаны языку» [Соссюр, 1999, с. 94–96].

Следует отметить, что с позиции диахронической лингвистики объектом изучения являются «отношения, связывающие элементы, следующие друг за другом во времени и не воспринимаемые одним и тем же коллективным сознанием, т.е. элементы, последовательно сменяющие друг друга и не образующие в своей совокупности системы» [Соссюр, 1999, с. 100].

Необходимо уточнить, что диахрония выявляет не только динамику, но и стабильность языковых явлений, их устойчивость во времени [Серебренников, 1970, с. 204]. Как отмечает Т.А. Расторгуева, многие языковые элементы-универсалии остаются стабильными и неизменными при исследовании в разных временных точках [Расторгуева, 1989, с. 4–8]. Относительно устойчивые признаки «сохраняют язык в состоянии, пригодном для коммуникации в течение ряда веков, обеспечивают его преемственность» [Расторгуева, 1989, с. 8].

Таким образом, освещая особенности трансформаций коммуникативно-прагматических характеристик обращений в английском языке с XIX по XXI вв., мы проводим сопоставительный анализ их использования в художественных произведениях конца Августинской эпохи (начало XIX в.), эпохи романтизма и критического реализма (XIX в.), эпох модернизма (XX в.) и постмодернизма (XXI в.).

2.1. Коммуникативно-прагматические характеристики обращений в английском языке в XIX в.

Современные зарубежные исследователи трактуют понятие «эволюция языка» как результат естественного отбора, его изменения, которые возникли вследствие влияния факторов окружающей среды

[Buckley, 2002, с. 270]. Именно поэтому, анализируя причины языковых изменений, исследователи часто обращаются к рассмотрению внешних, социокультурных, исторических событий [Кронгауз, 2004, с. 163].

Основные изменения англосаксонского общества в XIX в. связаны с промышленной революцией, задействовавшей, прежде всего, модернизацию металлургической и хлопчатобумажной отраслей, тем самым, обусловившей стремительный экономический рост в этих сферах. Финансовый расцвет на внутреннем и внешнем рынках способствовали улучшению уровня жизни представителей рабочего класса и возникновению чартизма как способа борьбы за права бедных и рабочих.

Следует отметить, что начало второй половины XIX в. (50-е и 60-е гг.) характеризуются как пик развития Великобритании. Однако уже в 70-е гг. страну настигает «закат» вследствие утраты «конкурентоспособности, снижении темпов экономического роста и замедлении производительности традиционных отраслей промышленности» [Актуганова, 2015].

Тем не менее, и в конце XIX в. представители средних классов, добившиеся значительных успехов в промышленной сфере, гарантировавших продвижение по социальной лестнице, имели возможность получить титулы пэра, рыцаря и др.

М. Пью отмечает, что в 1880-х гг. в результате колониальной экспансии происходит рост империи с последующем превращением таковой в могущественную державу [Пью, 2001, с. 29–143].

Очевидно, что изменения в языке, с одной стороны, носят непрерывный характер, но, с другой стороны, происходят с разной скоростью [Мыркин, 2002, с. 77]. Согласно Э. Косериу, они не разрушают язык и не отнимают у него свойства «быть языком», а представляют собой «восстановление, обновление системы, которое обеспечивает её непрерывность, её функционирование» [Косериу, 1963, с. 343].

По мнению Э. Косериу, изменение языка «всегда начинается и развивается как «сдвиг» нормы» [Косериу, 1963, с. 238]. Для этого периода характерны проблемы восприятия друг друга представителями разных поколений, поскольку, как отмечает М.А. Кронгауз, «язык другого поколения кажется неправильным, испорченным, или, напротив, каким-то законсервированным» [Кронгауз, 2004, с. 163].

В.Я. Мыркин и М.А. Кронгауз отмечают, что самые интенсивные языковые изменения затрагивают лексический уровень языка, более медленный процесс трансформаций происходит на морфологическом уровне, а также в сфере речевого этикета [Мыркин, 2002, с. 77; Кронгауз, 2004, с. 164].

Так, трансформации английского языка XIX в. связаны, прежде всего, с появлением новых лексических и фразеологических единиц, а также изменениями норм произношения.

По замечанию С.А. Актугановой, разговорный язык образованных англичан XIX в. «отличался простотой, отклонением от строгой литературной грамматической нормы (например, в речи встречалось употребление *ate* вместо *eaten* или двойное отрицание)» [Актуганова, 2015]. Вероятно, это обусловлено возросшим интересом к народно-разговорному языку вследствие появления литературного направления романтизма и общей демократизации сознания.

Как правило, к критериям романтизма относят: полёт воображения, новизна видения жизни, недоверие к рационализму, субъективизм при описании действительности, обращение к внутреннему миру, чувствам и переживаниям человека. Эстетика данного литературного направления связана с возвышенным и прекрасным. И если для него не характерны комические темы, то обязательно присутствует ирония [Аникин, 1985, с. 160–162].

Романтические герои У. Блейка, Д. Байрона, В. Скотта и др. представляют собой полноценные личности, ожидающие коренных перемен. Романтическая ирония критикует тяжёлые социальные обстоятельства и жестокую реальность, унизительные для личности и констатирующие «невозможность абсолютизации свободы личности и самоценности индивида» [Аникин, 1985, с. 158].

Такое влияние романтизма, по мнению С.С. Беркнера, приводит к сближению норм литературно-книжной и живой разговорной речи [Беркнер, 1978, с. 118–124].

В середине XIX в. на смену романтизма приходит критический реализм, обращающийся, прежде всего, к негативным сторонам и явлениям жизни, драматическим ситуациям, конфликту между представителями рабочего классом и высшего общества. Обладая мастерством психологического анализа, критический реализм умело вызывал протестные настроения у своих читателей против несправедливости реальной жизни [Аникин, 1985].

Конец XIX в. характеризуется появлением литературного течения эстетизма, проповедовавшего культ красоты и в попытках ухода от несправедливости жизни, отрицавшего реальность [Аникин, 1985, с. 278].

Таким образом, в течение всего XIX в. английская художественная литература играет роль опоры кодификации литературного нормы, завершая её формирование и кодификацию к концу XIX – началу XX вв. [Семенюк, 1996, с. 39–42].

В целом, следует отметить, что XIX в. явился периодом повышения грамотности и общей культуры англосаксонского общества, развития литературного, газетно-публицистического и научного стилей языка. Так, в частности, пуристы, ратуя за чистоту и эволюцию литературного языка, осуждали использование неологизмов и заимствований, выступали против употребления диалектизмов, профессионализмов и жаргонизмов.

Рассмотрим обращения, свойственные литературным произведениям XIX в. Дж. Остин «*Pride and Prejudice*», У. Теккерея «*Vanity Fair: A Novel without a Hero*», Ч. Диккенса «*Hard Times*», Ш. Бронте «*Jane Eyre*» и О. Уайльда «*The Importance of Being Earnest*».

1. ***Обращения к представительницам женского пола***.

В ситуации формальной коммуникации, например, происходящей между учительницей и её ученицей, адресант обращается к девочке по фамилии, усиливая тональность строгости и официоза, свойственную британским учебным заведениям XIX в.:

(40) *Burns, I insist on your holding your head up* (Bronte, 1954, с. 74).

В ситуации неформальной коммуникации, например, между родителем и дочерью, возможна реализация обращений-диминутивов, уменьшительно-ласкательных имён, например:

(41) *I hope Mr. Bingley will like it, Lizzy* (Austen, 2011, с. 4).

(42) *Come away, Becky* (Thackeray, 1950, с. 21).

(43) *Don't keep coughing so, Kitty, for Heaven's sake! Have a little compassion on my nerves. You tear them to pieces* (Austen, 2011, с. 5).

Титул *miss* или *Miss + имя* и обращение *young woman* используются по отношению к девушкам и молодым женщинам, например:

(44) *Do you feel as if you should sleep, miss*? (Bronte, 1954, с. 30).

(45) *You excel so much in the dance, Miss Eliza, that it is cruel to deny me the happiness of seeing you* (Austen, 2011, с. 17).

(46) *And I trust, Miss Jemima, you have made a copy of Miss Sedley's account* (Thackeray, 1950, с. 16).

(47) *You may be sure it's Sir Pitt Crawley, young woman* (Thackeray, 1950, с. 82).

Также указанным обращениям могут сопутствовать сочетание притяжательного местоимения *my* и ласкательная лексема *dear*, например:

(48) *He is, indeed; but, considering the inducement, my dear Miss Eliza, we cannot wonder at his complaisance – for who would object to such a partner?* (Austen, 2011, с. 17).

По отношению к замужним женщинам употребляется титул *Mrs. + фамилия*, например:

(49) *You don't suppose that I'm going, Mrs. Sed?* (Thackeray, 1950, с. 41).

(50) *Very well. We now come to the point. Your mother insists upon your accepting it. Is it not so, Mrs. Bennet?* (Austen, 2011, с. 68).

Также для XIX в. актуально обращение с титулом *madam* или *dear madam*, выраженное адресантом-женщиной. Например:

(51) … *she said to Miss Bennet, "I beg your pardon, madam, for interrupting you, but I was in hopes you might have got some good news from town, so I took the liberty of coming to ask"* (Austen, 2011, с. 172).

(52) *"Dear madam," cried Mrs. Hill, in great astonishment, "don't you know there is an express come for master from Mr. Gardiner?"* (Austen, 2011, с. 172).

Ласкательные обращения к возлюбленной девушке в ситуации неформального общения включают в себя оценочно-характеризующее лексемы с притяжательным местоимением *my*, например: *my own one*, *my my own love*, *own darling*, *my dear*, *my dear child (child)*, *sweet* и др.:

(53) *My own one, I have never loved anyone in the world but you* (Wilde, 2004, с. 23).

(54) *My own love!* (Wilde, 2004, с. 67).

(55) *My own darling!* (Wilde, 2004, с. 33).

(56) *You mistake me, my dear. I have a high respect for your nerves. They are my old friends* (Austen, 2011, с. 4).

(57) *But, my dear child, do you mean to say you could not love me if I had some other name?* (Wilde, 2004, с. 57).

(58) *“Come here, child,” cried her father as she appeared* (Austen, 2011, с. 68).

(59) *Well, my own dear, sweet, loving little darling, I really can’t see why you should object to the name of Algeron* (Wilde, 2004, с. 57).

Следует отметить, что для представителей рабочего класса для обращения к адресату представительнице женского пола характерно употребление лексемы *lass*, например:

(60) *Goodnight, dear lass* (Dickens, 1952, с. 68–69).

2. ***Обращение к представителям мужского пола.***

Началу XIX в. свойственен формальный стиль общения межличностной коммуникации. Обращаясь к представителю мужского пола, адресант, как правило, употребляет титул *Sir*:

(61) *You saw me dance at Meryton, I believe, sir* (Austen, 2011, с. 16);

(62) *“Money! My uncle!” cried Jane, “what do you mean, sir?”* (Austen, 2011, с. 174);

или сочетание титула *Mr.* вместе с фамилией адресата, даже если коммуникация происходит между близкими людьми или супругами. Например:

(63) *Mr. Bennet, how can you abuse your own children in such a way? You take delight in vexing me. You have no compassion for my poor nerves* (Austen, 2011, с. 4).

Если коммуникация происходит между знакомыми людьми или родственниками (например, супругами), уважение и привязанность к адресату могут быть выражены дополнительным употреблением притяжательного местоимения *my* в сочетании с именем прилагательным *dear*. Например:

(64) *“My dear Mr. Bennet,” said his lady to him one day, “have you herad that Netherfield Park is let at last?”* (Austen, 2011, c. 2).

(65) *“My dear Mr. Bennet,” replied his wife, “how can you be so tiresome! You must know that I am thinking of his marrying one of them”* (Austen, 2011, c. 3).

Также близкие по родству адресанты могут использовать обращения, состоящие исключительно из ласкательных лексем, по отношению к мужчинам, например:

(66) *Why, my dear, you must know, Mrs. Long says that Netherfield is taken by a young man of large fortune from the north of England…* (Austen, 2011, c. 3).

В неформальной ситуации общения друзей возможна реализация обращений-диминутивов, уменьшительно-ласкательных имён, например:

(67) *Have a care, Joe* (Thackeray, 1950, c. 37).

(68) *Eating as usual, I see, Algy!* (Wilde, 2004, c. 7).

Проведённый нами анализ позволил выявить употребление фамильярных обращений по фамилии среди мужчин, знакомых или приятелей, например:

(69) *Do you remember, Sedley, what a fury you were in when I cut off the tassels of your Hessian boots* (Thackeray, 1950, c. 44).

(70) *Hullo, Dobbin, here’s good news in the paper* (Thackeray, 1950, c. 52).

Употребление ласкательных обращений в речи мужчин по отношению друг к другу, образованных по формуле *my dear + fellow* (*young friend, boy* и т.д.) и др., выражает особое расположение к адресату, например:

(71) *Didn’t it go off all right, old boy?* (Wilde, 2004, c. 29).

(72) *That is nothing to you, dear boy* (Wilde, 2004, c. 13).

(73) *My dear fellow, Gwendolen is my first cousin* (Wilde, 2004, c. 9).

(74) *That, my dear young friend, is the theory that the corrupt French Drama has been propounding for the last fifty years* (Wilde, 2004, с. 16).

Следует отметить, что для представителей рабочего класса для обращения к адресату мужчине характерно употребление лексемы *lad*, например:

(75) *Ah, lad! Tis' thou?* (Dickens, 1952, с. 68).

3. ***Обращения к родственникам***.

Для английского языка XIX в. характерно учтивое обращение среди супругов с использованием не только ласкательных лексем, но и титулов с фамилиями, например:

(76) *It was quite wicked of you, Mr. Sedley to torment the poor boy so* (Thackeray, 1950, с. 43).

(77) *There now, I have hurt his feelings, Mrs. Sedley, my dear, I have hurt your son's feelings* (Thackeray, 1950, с. 33).

В этот период английский язык переживает постепенную смену официоза в обращениях к близким родственникам [Беркнер, 1978], однако, обращение с использованием титула *sir* по отношению к отцу всё ещё можно встретить, например, в произведениях У. Теккерея:

(78) *I recollect, sir, there was a girl at Dublin, a daughter of Cutler of the Artillery, and afterward married to Lance, the surgeon, who made a dead set at me in the year <…> Well, sir, the Artillery gave a ball* (Thackeray, 1950, с. 38).

Также следует отметить употребление обращений к родителям, заимствованных из французского языка (*papa* и *mamma*):

(79) *"But you forget, mamma," said Elizabeth, "that we shall meet him at the assemblies, and that Mrs. Long promised to introduce him"* (Austen, 2011, с. 5).

(80) *It was called mounting, mamma* (Thackeray, 1950, с. 40).

(81) *I am not going to run away, papa* (Austen, 2011, с. 172).

(82) *What is a buggy, papa?* (Thackeray, 1950, с. 32).

К сёстрам и братьям адресанты используют полные формы обращений *sister* и *brother*. Например:

(83) *But Lizzy! Oh, sister!* (Austen, 2011, с. 84).

(84) *The Collinses will turn us out before he is cold in his grave, and if you are not kind to us, brother, I do not know what we shall do* (Austen, 2011, с. 164).

Таким образом, проведённый нами анализ употребления обращений в английском языке XIX в., выявил различия в лексемах обращений среди представителей рабочего и высшего классов, а также постепенный переход от официоза в общении родственников к неформальным формам.

2.2. Основные трансформации коммуникативно-прагматических характеристик обращения в английском языке в XX–XXI вв.

В начале XX в. манифестируются усиление роли государства, принятие правительства Великобритании исключительно как источника материальных благ и основного работодателя.

Принятие и введение новых социальных законов, связанных с социальной зашитой населения, например, пенсиями по старости, свободной торговлей, мерами по укреплению здоровья и улучшению благосостоянию матерей, рабочих и др., существенно изменили жизнь англосаксонского общества.

Несмотря на значительную поддержку бизнеса в сфере свободной торговли и последующего расширения рынков для экспорта, в 20-х гг. XX в. Великобритания потеряла доминирующее положение в мировой экономике. Снижение заработной платы, безработица и, как следствие,

всеобщая забастовка стали естественными последствиями послевоенного времени.

Тем не менее, в 1930-е гг. XX в. правительство Великобритании продолжило осуществлять меры для развития экономики страны, считая одним из приоритетных направлений политики увеличение заработной платы. Данные меры послужили, в частности развитию отраслей, прежде всего, выпускающих товары массового потребления, и в целом, некоему оживлению экономики и качественному повышению уровня жизни.

После завершения Второй мировой войны Великобритания целенаправленно стремилось стать участником европейской интеграции, вступило в европейское экономическое сообщество, прилагая все усилия по сохранению статуса великой империи.

Однако в конце 1950-х и 1960-х гг. наблюдается смена приоритетов: на первый план выходит развитие сфер искусства и культуры с процветанием театральной деятельности, появление новых романов и фильмов. Другими словами, постепенная демократизация англосаксонской культурной жизни проявляется в либерализации цензуры художественных произведений. Отражение обыденной жизни и естественного языка населения в литературе свидетельствует о проникновении разговорной лексики, сленга, жаргонизмов и американизмов в различные стили литературного языка, включая язык средств массовой информации. Такая фамильярность речи, по мнению С.С. Беркнера, как раз и свидетельствует о демократичности говорящего [Беркнер, 1978, с. 135–137].

Представители нового поколения постепенно разочаровываются в ценностях и идеалах старшего, превращаясь к середине XX в. в «общество вседозволенности» с характерной свободой нравов, приведшей, в частности к нравственному упадку общества, который в свою очередь послужил росту насилия, использования ненормативной лексики в литературных произведениях, на телевидении и пр. Несмотря на это,

М. Пью отмечает проведение правовых реформ 60-х гг. XX в., направленных именно на толерантность к инакомыслию [Пью, 2001, с. 149–263].

Начало XXI в. в Великобритании ознаменовано, прежде всего, ростом внутренних и внешних межэтнических противоречий в англосаксонском социуме. И, несмотря на модную тенденцию толерантности, современный британец не скрывает чувство собственного превосходства и не приемлет всего иностранного. По мнению А.В. Павловской, понятие монархии по-прежнему играет значительную роль в жизни англосаксов, расцениваемая как основа будущего процветания и сплочения британцев [Павловская, 2004, с. 7–34].

Очевидно, что указанные социально-исторические перипетии не могли не отразиться на изменениях английского языка.

Следует отметить, что рубеж XIX и XX вв. является периодом зрелости и некой стагнации английского литературного языка. Однако новейший период (XX – начало XXI вв.) характеризуется дальнейшим обогащением английского словаря новой лексикой, коллоквиализмами и сленгизмами, обусловленным бурным развитием науки и техники. Очевидно, что продолжая меняться, разговорный язык всё больше отклоняется от нормы [Аракин, 1955, с. 49; Беркнер, 1978, с. 152–153], что приводит к бóльшей вариативности словоупотребления в литературно-разговорном языке, меньшей строгости в произношении [Беркнер, 1978, с. 135].

Творчество писателей постмодернизма находится в русле модернизма и реализма, раскрывая проблему взаимоотношений человека и социума, отражая философию провозглашения главенства искусства над жизнью и индивидуализма, в русле субъективного описания реальности и отрицания веры в возможности человека [Аникин, 1985, с. 302–303].

Таким образом, для выявления трансформаций и их особенностей коммуникативно-прагматических характеристик англоязычных обращений XX-XXI вв. нами были проанализированы произведения С. Ахерн «», П. Баркера «», В. Вульф «», Дж.К. Джерома «», С. Кинселлы «», К. Куксон «», М. Спарк «», Р. Чанс «» и др.

1. ***Титулы.*** Соблюдение принципа вежливости в официальной англоязычной коммуникации остаётся актуальным на современном этапе.

По мнению С.Г. Агаповой и Л.В. Гущиной, принцип вежливости является одним из наиболее важных стабилизирующих разговор принципов, которые способствуют успешной реализации намерений беседующих людей [Агапова, 2017, с. 41]. Авторы отмечают, что соблюдение принципа вежливости необходимо для того, «чтобы отношения между «я» и «другим», т.е. между говорящим и слушающим (адресантом и адресатом), основывались на уважении к личности собеседника, к его мнению и желаниям, что способствует достижению максимальной коммуникативной эффективности» [Агапова, 2017, с. 42].

Значение принципа вежливости для успешной интеракции обусловлено значимостью категории вежливости в структуре социального общения людей, активно изучаемого в рамках теории лингвистической вежливости [Brown, 1987; Fraser, 1990; Kasper, 1990; Вежбицкая, 1990; Голышева, 2000; Агапова, 2002; Тягунова, 2002; Агапова, 2017; и др.].

Следует отметить, что принципу вежливости соответствуют постулаты Г.П. Грайса, сформулированные в терминах максим такта, благородства / щедрости, одобрения, скромности, согласия и симпатии. По мнению исследователя, необходимо: 1) сводить «до минимума затраты / усилия других» и стараться «увеличить выгоду других»; 2) сводить «до минимума выгоду для себя» и делать «максимальными свои усилия и затраты»; 3) как можно меньше ругать других и как можно больше хвалить других; 4) сводить «до минимума хвалу в свой адрес» и ругать себя;

5) избегать разногласий и стремиться к согласию; 6) «как можно больше испытывать и выражать благожелательности друг к другу [см. по: Leech, 1985, с. 132].

Безусловно, вежливость является относительным понятием и во многом определяется правилами, принятыми в различных коммуникативных ситуациях, характеризующихся такими существенными признаками, как:

а) взаимоположение партнёров по коммуникации (равное, выше, ниже);

б) степень социально-психологической дистанции;

в) обстановка общения (официальная, неофициальная, непринуждённая) [Беляева, 1990, с. 43; Агапова, 2017, с. 43].

Как правило, в формальной ситуации коммуникантам следует быть более вежливыми, чем в неформальной обстановке. Поэтому вежливые формальные обращения в английском языке включают в себя в частности употребление обращений с титулами самостоятельно (*ma'am*, *Madam*, *sir* и др.) или вместе с фамилиями (*Mr.*, *Mrs* и др.), например:

(85) *Madam?* (Kinsella, 2005, с. 79).

(86) *Mr. Dalloway, ma'am, told me to tell you he would be lunching out* (Woolf, 1984, с. 56).

(87) *Will you, sir? He is a clever devil, that Russian* (Christie, 2005, с. 218).

(88) *Very well, thank you, Mr. Geiger* (Kinsella, 2005, с. 73).

(89) *Mr. Carter, I am glad to see you* (Christie, 2005, с. 218).

(90) *Oh, Mrs Conway – they have finished the charade – and some people are going – and Marge asked me to tell you they're expecting you sing something* (Priestley, 1986, с. 81).

Как отмечает А. Любецка, в современном английском языке использование адресантом в своей речи обращений-титулов типа *Madam*

обусловлено его целью произвести впечатление на собеседника и следовать нормам этикета, но при этом указывает на его невысокий социальный статус или малообразованность, невысокий уровень владения английским языком [Lubecka, 1993, с. 49–74].

Интересно, что мнения по поводу уместности употребления титула *miss* в современном английском языке расходятся. Так, например, С. Гор утверждает, что такое обращение сейчас признаётся старомодным и практически не используется [Gore, 2007]. В свою очередь А. Любецка ограничивает сферу вокатива *miss* только обращённостью к молодой официантке [Lubecka, 1993, с. 75].

Однако в современных художественных англоязычных произведениях мы наблюдаем использование данного обращения с интенцией проявить уважение к собеседнику. Например:

(91) *Miss Sweeting? I look up to see the maitre d‘* (Kinsella, 2005, с. 215).

Современный этап развития язык вводит в обиход нейтральный титул *Ms*, употребляемый вместе с фамилией адресата, например, в том случае, когда её семейный статус по тем или иным причинам неизвестен [Gore, 2007, с. 15].

По мнению М.А. Оликовой, лексема *lady* в функции обращения всё реже встречается в британском английском языке из-за приобретённого фамильярно-ироничного звучания [Оликова, 1979, с. 32], а сфера его употребления согласно *Longman Dictionary of English Language and Culture* ограничивается сленгом [Longman, 1998, с. 733].

Однако проведённый нами анализ современной художественной литературы позволил нам выявить случаи употребления обращения *lady* в рамках межличностной коммуникации между медсестрой и пациентом, желающим проявить своё уважение к адресату и действовать согласно её рекомендациям:

(92) – *No, leave that. I might need it for taking him to the bathroom.*

– *Okay. Sorry, <u>lady</u>* (Chance, 2012, с. 446).

Следует отметить, что постепенная демократизация британского общества [Стернин, 2003, с. 51], тенденция к использованию принципа языковой экономии, способствующего устранению избыточности в речи [Расторгуева, 1989, с. 31] обусловили смену официоза неформальным общением даже в деловой сфере. Желая установить партнёрские, доверительные отношения, адресанты обращаются к своим собеседникам, используя более простые формы адресации, например, по имени [Беркнер, 1978; Оликова, 1979; Lubecka, 1993].

Данное представляется возможным проследить в коммуникативной ситуации между консьержем и олигархом, который просит обращаться к нему по имени, не желая акцентировать социальную дистанцию между ними. Однако его адресат полагает, что подобное обращение нарушает субординацию, и не приемлет его. Тем не менее, он выбирает менее неформальную форму обращения – использование титула *Mr*, но с усечённой формой фамилии:

(93) – *Grigor! Please, I insist call me Grigor!*

– *Do you need any help, <u>Mr K</u>?* (Chance, 2012, с. 52–55).

Следует отметить, что титулы, обозначающие принадлежность к определённым профессиям, по мнению И.А. Стернина, не характерны для современной английской коммуникации [Стернин, 2003, с. 47]. Тем не менее, в литературных произведениях современного периода нами было выявлено, что в XX в. в системе профессиональных вокативов появляется официальное обращение к доктору – *Dr*, употребляемое вместе с фамилией адресата. Например:

(94) *I’m afraid so, <u>Dr. Rivers</u>* (Barker, 1992, с. 60).

Также среди случаев употребления вокативов-профессионализмов встречается обращение *Father* или совместное употребление с фамилией [Стернин, 2003, с. 52] в отношении священника, например:

(95) *She looks a bit gloomy, Father, don't you think?* (Spark, 1976, с. 130).

(96) *This is very painful matter, Father Brown* (Chesterton, 1996, с. 311).

Кроме того, нами были обнаружены обращения-профессионализмы, включающие в себя сочетание военного звания и фамилии, например:

(97) *So glad to see you again, Colonel Pickering* (Shaw, 136).

(98) *Now, now, Major Spanner, you mustn't tempt me to be indiscreet* (Priestley, 1986, с. 26).

2. ***Антропонимы***. Формы обращений по имени включают в себя полные и уменьшительно-ласкательные варианты, например:

(99) *Now, Helen, that's what she'd like – or what she thinks she'd like, and honestly, what do you think of it?* (Priestley, 1986, с. 34).

(100) *Phil, do you want me to drive?* (Chance, 2012, с. 232).

(101) *I liked little Francis, what did you think of little Francis, Ray?* (Spark, 1976, с. 130);

а также вместе в сочетании с притяжательным местоимением *my* и именем прилагательным *dear*:

(102) *Pompous! My dear Helen, I'm the least pompous man who ever lived* (Priestley, 1986, с. 21).

Современный период английского языка также оказывается под воздействием инновационных технологий, в частности Интернета, в котором происходит виртуальное общение, так называемая компьютерно-опосредованная коммуникация, понимаемое как «уникальная среда коммуникации, включающая собственные жанры речи» [Горошко, 2006, с. 169], например, электронные письма, чаты, новостные группы,

мультипользовательские миры, вебблоги, форумы и пр. [Щипицина, 2010, с. 30]. Обязательным условием участия в любом чате является наличие никнейма, т.е. псевдонима адресанта, отражающего его внутреннее состояние, семейное положение и пр., и, безусловно, обладающего прагматической направленностью.

Поскольку литература способна отражать все реалии нашего мира, постольку репрезентация чат-коммуникации и её особенностей имеет место в современных англоязычных художественных произведениях. Так, никнеймы участников чата используются в качестве обращений, например:

(103) *I know, Divorced_1* (Ahern, 2005, с. 283).

3. ***Имена родства.*** Выбор форм имён родства в функции обращения также претерпевает изменения в XX–XXI вв. с превалированием сокращённых вариантов. Например:

(104) *It‘ll be on Catchup, Mum* (Chance, 2012, с. 234).

(105) *Yes, go on, Mommy. You must drink our health* (Priestley, 1989, с. 129).

(106) *I am so sorry, Granda. I am sorry if I’ve upset you* (Cookson, 2007, с. 18).

(107) *I'm sorry, Daddy. Actually I was listening* (Priestley, 1989, с. 13).

(108) *Well, Dad, it's not that simple I've not really decided what we'll be going yet* (Waterhouse, 1966, с. 273).

4. ***Ласкательные имена***. Неформальная сфера межличностной коммуникации XX–XXI вв. отличается свободой и непринуждённостью, что способствует появлению широкого диапазона уменьшительно-ласкательных форм (*honey*, *baby*, *sweetie*, *my little one*, *my pretty*, *darling*, *my darling girl* и др.) и их сокращений (*hon* и др.) в интерперсональном общении, прежде всего, близких и хорошо знакомых людей. Например:

(109) *How are you, honey?* (Spark, 1976, с. 109).

(110) *I’ve been watching you for days, hon* (Chance, 2012, с. 473).

(111) *Oh, baby, no* (Chance, 2012, с. 21).

(112) *Sweetie… I'm sure you're doing what's best for you* (Kinsella, 2005, с. 352).

(113) *And now, my little one, we've gossiped well enough* (Maugham, 2000, с. 317).

(114) *A highly moral sentiment, my pretty* (Maugham, 2000, с. 314).

(115) *Darling, don't talk like a fool* (Maugham, 2000, с. 48).

(116) *My darling girl, you're quite mad, you know* (Mansfield, 1996, с. 45).

Необходимо уточнить, что в современном английском языке употребление лексемы *darling* в качестве обращения не ограничено особенностями адресата (ни его возрастом, ни гендерной принадлежностью и пр.). Таким образом дочь может обратиться к матери или мать к сыну:

(117) *No, darling, I've done it entirely on my own* (Maugham, 2000, с. 81).

(118) *Darling, it's all your father's fault. He is trying to turn you against me* (Chance, 2012, с. 270).

Применение оценочно-характеризующего вокатива *love* возможно как в близкой личной межличностной коммуникации, например:

(119) *Are you in touch with James at all, love?* (Chance, 2012, с. 250);

(120) *Come on, Sonia, love, don't rush her like this* (Chance, 2012, с. 232);

так и в ситуации общения с незнакомым адресатом, например при обращении водителя такси к расстроенному пассажиру-девушке:

(121) *You all right, love?* (Chance, 2012, с. 307).

Очевидно, что в подобных случаях обращение *love* не означает проявления глубокого чувства. Адресант использует его в своей речи, соблюдая традиционный принцип вежливости.

Следует отметить, что в XX в. обращения к молодому человеку и / или мужчине включают в себя сочетание имени прилагательного *old* и таких имён существительных, как: *man*, *boy* и *chap* (здесь синонимичной фразой может выступать вокатив *my dear chap*). Например:

(122) *Have a drink, old man* (Maugham, 2000, с. 151).

(123) *Cheer up, old boy* (Waugh, 1996, с. 320).

(124) *Well, so long, old chap* (Maugham, 2000, с. 272).

(125) *My dear chap*, any friend of yours (Chesterton, 1996, с. 305).

XXI в. предлагает свою альтернативу указанным выше обращениям, вводя в обиход вокатив *mate*, например:

(126) *You and me both, mate. Oh, well. Her dad's stinking rich; mate, that's excellent* (Chance, 2012, с. 223–225).

(127) *Want a bit of help, mate?* (Chance, 2012, с. 326).

Также следует отметить те ситуации, когда вокативы *my boy* и *old man* могут намеренно использоваться адресантом из чувства неприязни, с сарказмом и презрением или же расцениваться адресатом как проявление неуважения к нему [Карасик, 2002, с. 200]. Например:

(128) *Ha, ha, my boy, a very much more important matter than that!* (Doyle, 2007, с. 158).

(129) *Go away, you miserable old man* (Jerome, 2005, с. 100).

Вокатив *my friend* в современном английском языке реализуется в отношении нижестоящего должностного лица, при этом не маркируя положение подчинённого, например:

(130) *Andy! My friend!! This is the best Boxing Day party I have ever had, thanks to you, my friend!* (Chance, 2012, с. 316).

5. ***Групповые обращения.*** Типы обращений, адресованные группе адресатов, отличаются особым разнообразием в современном английском языке, включая в себя гендерно-специфические *gentlemen, lads*, *boys* и *gents* (в отношении представителей мужского пола) и *ladies, girlies* (в отношении

представительниц женского пола), а также гендерно-нейтральное обращение *folks* и *everybody*. Например:

(131) *So long, folks. Come again. I'm here every night* (Maugham, 2000, с. 197).

(132) *Well, good night, everybody* (Priestley, 1986, с. 24).

(133) *I'm sorry to intrude, gentlemen, but we have received information, that a murder has been committed here* (Christie, с. 34).

(134) *Thanks, lads and God bless you, boys* (Burgess, 2004, с. 16).

(135) *Sorry, gents* (Chance, 2012, с. 457).

(136) *Ladies, after we have fallen in love with you, we feel that existence would be intolerable if you are not by our sides, so we marry you...* (Priestley, 1986, с. 39).

(137) *Hallo there, girlies, what's it going to be?* (Burgess, 2004, с. 19).

6. ***Обсценные обращения.*** К сожалению, современному английскому языку присуще использование обсценной лексики в функции обращения, свидетельствующей о преобладании негативных оценок, сквернословии в ситуациях аффекта, раздражения, гнева, недовольства [Стернин, 2003, с. 73].

Проведённый нами анализ современной художественной литературы выявил широкий диапазон лексем, использующихся в качестве грубых обращений по отношению к адресату, например: *bastard, pig, idiot, bully, brute, stupid* и др. самостоятельно или в сочетании с личным местоимением 2 лица *you*:

(138) *I still have a key to the lift, you idiot!* (Chance, 2012, с. 265–270).

(139) *How do you know my name, you stinking vonny bully*? (Burgess, 2004, с. 93).

(140) *I know you did, you brute. You wanted to get rid of me* (Shaw, 144).

(141) *I'm not talking about Webster, stupid* (Osborne, 45).

Выводы

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА